

[От лица Адама]

Последние несколько дней я провел на заброшенном пустыре в двух милях от Магнолии, неустанно работая день и ночь, чтобы овладеть искусством перемещения душ без разрыва их связи с миром живых, а также необходимыми кидо, чтобы запечатать эти души в их новом теле.

Тренировки как внутри, так и за пределами моего внутреннего мира.

У меня был лимит времени, чтобы овладеть этим конкретным набором навыков, и, видя, насколько ухудшилось состояние Корделии за последние несколько дней, несмотря на заботу Полюшки, можно было предположить, что у меня осталось не так много времени.

Я должен был овладеть ими, иначе все это, создание гигаЙ, хлопоты по сбору ингредиентов, все было бы напрасно.

— Еще раз, — пробормотал я, пот струйками стекал по моему лбу, пока я концентрировал свою энергию, мой разум кружился от сложности поставленной задачи.

То, чего я пытался достичь, было тонким искусством, требующим точности и сосредоточенности.

Это было то, чему шинигами по большей части не нужно было учиться или осваивать, так как это противоречило большинству их правил о вмешательстве в жизнь живых.

Чтобы добиться этого, я должен был находиться в почти идеальной синхронизации со своей духовной энергией, направляя эту энергию через свой клинок в душу, которую пытался переместить.

Поначалу мне было трудно найти правильный ритм, нужное количество энергии для каждого движения, но со временем я начал понимать, что к чему.

Тем не менее, этого было недостаточно. Поэтому я продолжал неустанно работать, решив освоить каждый аспект процесса.

Пока, наконец, после нескольких дней изнурительных тренировок, проб и ошибок, я не добился успеха.

Двигая клинком с плавной грацией, я мог направлять через него свою энергию, позволяя мне перемещать душу маленькой птицы в ее тело и из него, а также в другие тела.

После этого первого успеха я перепроверил всё еще несколько раз, прежде чем сообщить

Полюшке о своей готовности, проверяя свои навыки с животными разных размеров, чтобы убедиться, что я не добился успеха только потому, что моей первой целью была маленькая птичка.

К счастью для меня и времени, которым я располагал, на каком бы животном я ни испытывал это средство, результат всегда был один и тот же — огромный успех.

Однако для того, чтобы все прошло без проблем, было несколько требований, большинство из которых было с моей стороны, кроме одного: чтобы я мог переместить душу, все еще связанную с миром живых, не разрывая эту связь, душа должна была передать контроль мне.

Если бы душа не передала контроль мне, это неизбежно закончилось бы тем, что душа разорвала бы свою душевную цепь, фактически совершая суицид.

С животными получить контроль было относительно легко, поскольку они не были разумными, где это имело значение, и их тела, как и их души, действовали и реагировали на основе инстинктов. Все, что мне нужно было сделать, чтобы получить контроль, необходимый мне для процесса, это в основном убедиться, что их инстинкт говорит им, что они ничего не могут сделать против меня, кроме как принять свою судьбу.

С людьми это было совершенно невозможно сделать, по крайней мере, не так, как с животными.

Конечно, с помощью силы можно заставить кого-то подчиниться своей воле, но сколько бы вы ни сокрушали чей-то дух под своей пятой, внутри него всегда будет оставаться маленькая частичка, отказывающаяся сдавать контроль, даже если сам человек об этом не подозревает

Вы никогда не сможете завоевать всю полноту чьего-то существа силой, он должен отдать ее вам добровольно, ибо только тогда она будет полной.

Это... было сложно.

Короче говоря, я смогу преуспеть в этом деле только в том случае, если Корделия добровольно отдаст мне самую суть своего существа.

Не успел я об этом подумать, как Мавис вышла из тени и нависла надо мной, ее длинное платье развевалось вокруг нее, как облако, и она сказала: — Полюшка закончила с телом.

Я улыбнулся.

Я успел закончить вовремя.

Едва ли.

Но успел.

—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—

[От лица автора]

Адам стоял перед кроватью Корделии в доме Полюшки с мрачным выражением на лице, глядя на ее бледную, болезненную кожу, и бросил короткий взгляд на Гилдартса, который был рядом с ней.

— Пора сделать из тебя новую тебя! — Гилдартс тяжело сглотнул и провел рукой по волосам. Было видно, что мужчина пытается выглядеть уверенным, глядя на Адама, но как бы он ни старался, бисеринки пота на его лбу выдавали его.

— Теперь все на твоей совести, сопляк, — сказала Полюшка, скрестив руки, глядя на Адама, а затем бросила короткий взгляд на лежащую в постели Корделию.

Адам перевел взгляд на нее, а затем посмотрел на гигай, который ей удалось воссоздать. Тело выглядело так, как, по его мнению, выглядела бы Корделия, если бы не была больна, вплоть до мельчайших деталей.

Это было впечатляюще.

— Корделия,— мягко сказал Адам, взяв одну из ее хрупких рук в свою. — Я знаю, что это прозвучит... странно, но чтобы спасти тебя, мне нужно будет переселить твою душу в тело, которое ты видишь справа от себя, но чтобы я мог сделать это без... твоей смерти, нужно, чтобы ты полностью отдала контроль мне. Ты понимаешь?

Корделия молчала мгновение, ее глаза были едва открыты, пока она смотрела на Адама. Она знала, что поставлено на карту, так же как и знала, что ей терять в случае неудачи ей нечего, ведь это был ее единственный шанс на выживание.

Голос Корделии был напряженным и слабым, как последний вздох умирающего человека, внешне показывая ее болезнь и ослабевающие силы: — Я не знаю, как это сделать, — ответила она, — Но я попробую.

Если бы вы спросили Корделию, она бы ответила, что доверяет Адаму. Она не знала этого парня, кроме того, что слышала о нём в городе, но она доверяла ему, даже если не совсем понимала, что он делает или говорит ей.

Приняв ее ответ за подтверждение своих слов, Адам глубоко вздохнул, сосредоточился и приготовился начать процесс. Затем, ловким движением своего дзампакуто, он ударил Корделию по груди.

Вскоре его энергия мягким белым светом проникла в глубины ее души, после чего он осторожно начал процесс извлечения ее души, не разрывая ее душевной цепи с миром живых.

Молчание, которым присутствующие проводили Адама, показывало, что это был очень деликатный процесс, требующий предельной осторожности и точности.

Сначала он почувствовал, как душа Корделии с трудом цепляется за своё слабеющее тело, но прежде чем это стало поводом для беспокойства, он ощутил то, что искал — полный контроль.

Как только он завладел ее душой и полностью отсоединил ее от тела, Адам начал направлять часть своей энергии через дзампакуто, медленно направляя ее душу в ожидающий гигаи, который создала Полюшка.

Эта часть была самой трудной, это было похоже на вдевание нитки в иголку в темноте, то есть малейшая ошибка могла привести к катастрофе.

Но Адам был полон решимости добиться успеха, и, не позволяя давлению от возможности неудачи процесса повлиять на него, он уверенно работал над поставленной задачей, его глаза не отрывались от гигаи, пока он осторожно направлял душу Корделии в ее ожидающую форму.

Затем, когда ее душа была полностью связана с гигаи, через серию сложных нитей, которые распространились по всей ее душе, он завершил процесс, запечатав ее душу в гигаи, используя кидо, чтобы навсегда связать их вместе.

— Готово, — пробормотал Адам, делая шаг назад.

Полюшка и Гилдартс повернулись к нему, глядя на него и на тело Корделии, однако, прежде чем кто-то успел сказать что-то еще, из искусственного тела раздался тихий стон дискомфорта, привлекая всеобщее внимание.

Глаза Корделии открылись, и впервые за долгое время она выглядела живой, усталой, но живой. Медленно, словно проверяя что-то, она повернула голову, удивленно глядя на свое новое тело.

— Странное ощущение, — прошептала она, ее голос был слабым, но наполненным удивлением и жизнью больше, чем когда-либо за долгое время.

— Это нормально, — ответил Адам, его собственный голос был наполнен облегчением. — Тебе потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этому телу

— Неужели все действительно закончилось? — прошептала она, ее глаза наполнились слезами.

Адам кивнул, маленькая улыбка играла в уголках его губ: — Да, — сказал он мягко. — Теперь с тобой все будет хорошо.

Корделия слабо улыбнулась, пытаясь выразить свою благодарность, прежде чем ее глаза снова закрылись, и она позволила себе сдаться в изнеможении.

— Мы... мы сделали это..., — начал Адам, поворачиваясь лицом к Гилдартсу.

Взгляд мужчины остановился на кровати, где лежала Корделия, а затем он рухнул на колени в куче эмоций.

Он видел ее в лучшие времена, и он видел ее в худшие, на пути к объятиям смерти.

Теперь все, что он мог видеть, это то, что она дышит, ее грудь поднимается и опускается в медленном, устойчивом ритме, а в его глазах стоят слезы, и он начинает всхлипывать в задыхающихся неконтролируемых вдохах, все его тело дрожит от облегчения.

Он попятился вперед и рухнул рядом с ее кроватью, его руки крепко сжимали ее руки.

Он хотел выразить свою благодарность тому, кто сделал все это возможным, но как бы он ни старался, все, что у него получалось, — это плакать, и его рыдания эхом разносились по комнате.

Однако к тому времени, когда ему наконец удалось перестать плакать, по крайней мере, настолько, что он смог говорить, он заметил, что Адам уже давно ушёл, ещё в тот момент, когда мужчина рухнул под тяжестью своих сдерживаемых эмоций.